

Автор: А.В. Петровский

Пять тактик семейного воспитания

Будут или не будут возникать препятствия на пути взаимопонимания родителей и детей – зависит главным образом от общей психологической атмосферы в семье.

Можно условно выделить пять линий развития семейных отношений, типов социально-психологического климата семьи и соответственно тактик семейного воспитания. Хотя, конечно, существует множество переходных, стёртых, промежуточных модификаций и вариантов.

Я позволил себе использовать для этой типологии термины, которые более привычны для дипломатов и политологов, военных и профессоров военных академий, чем педагогов и родителей, и, тем не менее, весьма точно характеризуют интересующие нас явления: диктат, опеку, конфронтацию, мирное сосуществование на основе невмешательства и сотрудничество.

Может возникнуть вопрос: уместно ли в области детской и семейной психологии использовать эти термины? Тактика, например, – это совокупность средств и приёмов в борьбе за достижение цели. Но о какой борьбе в семье может идти речь? Кто с кем борется? Дети с родителями? Родители с детьми?

Мы не имели в виду ничего подобного, используя термины «тактика», «стратегия», хотя и такая борьба иной раз имеет место. Борьаться можно не только с кем-то, но и, что особенно важно, за что-то и во имя чего-то.

Родители борются за то, чтобы их дети выросли такими, какими они хотят их видеть, и эта борьба не против детей, а за них. Тактика такой борьбы может быть весьма и весьма различная: удачная или неудачная, правильная или ошибочная, умелая или неумелая, научно обоснованная или антинаучная. Эта тактика соответствует типу семейных отношений и, в конечном счёте, ими порождается. Вот об этом и пойдёт речь дальше.

Диктат

Этот тип семейных отношений многократно и ярко описан на страницах художественной литературы. Мистер Домби у Чарльза Диккенса, старик Карамазов у Ф.М. Достоевского, Евграф Ширяев из рассказа А.П. Чехова «Тяжёлые люди», Джеймс Броуди у Арчибалда Кронина и вереница других столь же деспотичных отцов, годами тиранящих свои семьи, могли быть здесь превосходными иллюстрациями.

Однако с развитием цивилизованного общества всё дальше уходят те крайние проявления семейного деспотизма, которые питали сюжетами и типажам многих писателей. И всё-таки нельзя утверждать, что вопрос исчерпан. Диктат в семье, где одни её члены подавляют у других самостоятельность, инициативу, чувство собственного достоинства, и сейчас может проявляться в формах, быть может, не столь резких, но достаточно определённых.

Никто не спорит – родители могут и должны предъявлять требования к своему ребёнку, исходя из целей воспитания, норм морали, конкретных ситуаций, в которых необходимо принимать педагогически и нравственно оправданные решения. Но максимальная требовательность старших должна сочетаться с максимальным доверием и уважением к нему – в противном случае требовательность оборачивается грубым давлением, принуждением. Принятая теорией воспитания и восходящая к А.С. Макаренку формула «максимум требователь-

ности – максимум уважения и доверия» является убедительной альтернативой диктату в семейных отношениях.

Знаменательно, что описанные мастерами художественной прозы истории семейных диктатур всегда кончались крахом всех надежд и планов тиранов. Плачевен конец тирании мистера Домби. И дело не только в смерти Поля и уходе Флоренс. Дети сформировались совсем не такими, какими их видел в своих мечтах чёрствый и жестокий отец. Следует сказать, что психологически фиаско воспитательных принципов диктата закономерно.

Родители, предпочитающие всем видам воздействия приказ и насилие, неизбежно сталкиваются с сопротивлением объекта воспитания – ребёнка, который отвечает на нажим, принуждение, угрозы и другие жестокие меры воздействия своими контрмерами: лицемерием, обманом, вспышками грубости, а иногда откровенной ненавистью. Но даже если сопротивление сломлено, победа оказывается пирровой. Вместе со сломленным упорством оказываются сломленными, растоптанными многие ценные качества личности: самостоятельность, чувство собственного достоинства, инициативность, вера в себя и свои возможности.

Безоглядная авторитарность родителей, игнорирование интересов и мнения ребёнка, лишение его права голоса при решении вопросов, к нему относящихся, – всё это гарантия катастрофической неудачи формирования его личности. Трудно предсказать судьбу молодого человека, оказавшегося жертвой подобной воспитательной системы. Может быть, вырастет подхалим, приспособленец, трус, может быть – циник, хам, деспот. Может случиться, и выправится под влиянием каких-либо внесемейных влияний, и всё обойдётся без тяжких последствий.

Но одно можно сказать с полной уверенностью: какие бы цели воспитания ни преследовали родители, придерживающиеся тактики диктата, – не могут же они сознательно планировать воспитание подлеца или хама, – их цели не будут достигнуты, из их сына или дочери получится то, чего они никак не ожидали. Положительный эффект такого воспитания, даже если оно – результат лучших побуждений отца и матери, заведомо нулевой.

Здесь можно было бы поставить точку, но как не сказать, что диктат в семье далеко не всегда подобен улице с односторонним движением. Ребёнок может быть не только объектом, но и субъектом диктатуры.

Существуют семьи, в которых ребёнок является настоящим маленьким тираном. Вообще-то нередко это происходит в семьях, где ребёнок долго болеет и родители, проникнутые жалостью и состраданием, готовы сделать всё, чтобы компенсировать то, чего лишила его болезнь. Или это может быть долгожданный ребёнок, родившийся в семье немолодых родителей, потерявших надежду на потомство. Как правило, отказа такому малышу не бывает ни в чём, любые его требования безоговорочно выполняются.

Мне вспоминается такая картина. Старый московский дом, асфальтовый дворик почти без зелени. Ребята играют в игру, ныне забытую: «двенадцать палочек» – усложнённый вариант прятков. Со второго этажа, из окна раздаётся женский голос:

– Вовочка, иди обедать!

Молчание. Снова тот же голос:

– Вовочка! Мы тебя ждём!

Никто не отзывается. В голосе женщины звучит отчаяние:

– Суп остынет, Вовочка. Иди домой.

От стайки ребят отделяется веснушчатый подросток и, глядя наверх, кричит:

– Не буду! Не хочу! Отстань!

– Но, Вовик, ты же сегодня плохо завтракал! Я тебя жду. Иди домой, пожалуйста, Вовочка! Опять молчание. Вовочка (его уличное прозвище Японец) колукает ногтём цементный шов стены и, наконец, принимает решение:

– Давай суп сюда! Здесь буду есть!

– Ну, как же так, Вовочка... Это же неудобно. Зачем же... Ну, хорошо, я сейчас тебе вынесу тарелку.

Женщина сдаётся. Не тут-то было. Новый приказ заставляет её высунуться из окна, а мальчишек подойти поближе:

– Спускай суп ко мне! На веревке!

Ребята замерли: что будет?

– Японец, ты что, спятил? Да тебя сейчас... – бросил один из них.

Последовал самоуверенный ответ:

– А ты погляди, что будет, а после говори.

Сын лучше знал свою мать. Вскоре из окна медленно поползла вниз удивительно ловко обвязанная бечёвкой тарелка супа (именно тарелка! Я хорошо помню) и утвердилась на коленях усевшегося на корточки мальчика. Таким же путём были спущены хлеб и ложка, завернутые в большую салфетку.

Он лениво хлебал суп и на удивленные возгласы товарищей обронил гордо:

– А она у меня дрессированная... Не то что ваши!..

И тогда один из ребят, Борька, с криком: «Какой же ты гад!», ударом ноги выбил у него тарелку и съездил по физиономии. Тот с рёвом убежал домой... Ребята разошлись, опасливо поглядывая на окна второго этажа.

Через год или два после запомнившегося нам обеда мы, ребята этого двора, ушли на фронт. Многие не вернулись. Не вернулся и Борька (именем Героя Советского Союза, гвардии старшего лейтенанта Бориса Николаевича Дмитриевского названа наша улица). Не вернулся и Владимир Р-ский. Мать не намного пережила сына и мужа (последний умер перед самой войной). Осталась на втором этаже выморочная квартира. Новые жильцы рассказали, что в комодке нашли письмо, где сообщалось о смерти Р-ского: по приговору военного трибунала расстрелян за трусость и дезертирство...

Я далёк от мысли связывать напрямую тираническое поведение сына в отношениях с близкими и тягчайшее воинское преступление. Но черты личности подлеца вылепливались его семьей на глазах окружающих на протяжении ряда лет, и помнится, никого не удивило тогда, в 1945, что Владимир Р-ский один на всю нашу округу погиб не славной, а позорной смертью.

Маленький деспот, привыкший не встречать сопротивления своему диктату в семье, за её пределами, как правило, никаких привилегий не имеет и должен приспособливаться и ловчить. Это ведёт к своеобразному раздвоению личности. В нём уживаются жестокость к одним и заискивание перед другими, грубость и трусость, зазнайство и униженность. Как легко становится такой человек лицемером и предателем – он жалеет только себя и только себя любит. Трудно сказать, что хуже: деспотизм сверху или деспотизм снизу. Оба хуже!

Опека

По сути, диктат родителей и опека – явления одного порядка. Различия в форме, а не в существе. Да, разумеется, диктат предполагает насилие, приказ, жёсткий авторитаризм, а опека – заботу, ограждение от трудностей, ласковое участие. Однако результат во многом совпадает: у детей отсутствуют самостоятельность, инициатива, они так или иначе отстранены от решения вопросов, их касающихся, тем более, общих проблем семьи.

Возникающий ещё в раннем детстве импульс, почти инстинкт «Я сам», уступает место вялому безразличию: «Пусть мама, пусть папа сделают, решат, помогут». «Диктат снизу» – деспотизм ребёнка, о котором было только что сказано, – это тоже обратная сторона чрезмерной опеки, утверждающей ребёнка в позиции маленького божка. Однако вовсе не обязательно опека порождает крайности деспотического поведения. Этого может и не быть, если родители не теряют чувства собственного достоинства и умеют заставить себя уважать. Но и в этом случае негативные последствия опеки как тактики семейного воспитания обязательно скажутся.

Вопрос об активном формировании личности ребёнка отходит на второй план. На авансцену педагогического действия выходит другая проблема – удовлетворение потребностей ребёнка и ограждение его от трудностей. Опека как воспитательная тактика – откровенный враг трудового воспитания, потому что опекаемого, прежде всего, ограждают от трудовых усилий и ответственности. Погубить человека с помощью чрезмерной опеки, в общем-то, легче, чем осчастливить.

Вспоминается остроумная сказка одного из современных писателей. Здесь фигурируют традиционные персонажи: отец, мачеха, родная дочка, падчерица. Конечно, мачеха стремится погубить постылую падчерицу и осчастливить любимую дочку. И, конечно, всё это происходит при полном непротивлении отца, души не чающего в злодейке-мачехе. Однако сказка не течёт по знакомому руслу.

Мачеха обнаруживает незаурядные способности и, во всяком случае, в социальной психологии семейных отношений превосходно ориентируется. Она устраивает так, что на перинах нежится не её родная дочка, а ненавистная падчерица. Она же, эта падчерица, сладко ест, сладко пьёт да на сводную сестрицу покрикивает. А та весь день в работе и в лесу, и в поле, и дома. Коварный план приносит свои плоды. Как и следовало ожидать, появляется прекрасный принц и, конечно же, влюбляется в скромную, работающую и умную мачехину дочку и со смехом отворачивается от падчерицы, дурехи, бездельницы и сладкоежки...

Что же, эта сказка имеет глубокий смысл и неплохо иллюстрирует возможные плоды опеки как системы воспитания.

Родители, которые постоянно озабочены тем, чтобы на их дитя не свалились какие-либо житейские трудности, чтобы не него, упаси боже, не дунул ветер повседневности, чтобы его не продуло в парной атмосфере семейной оранжереи, фактически делают всю работу за него. Они, по существу, отказываются подумать о серьёзной подготовке подростка к столкновению с реальностью за порогом родного дома. А, следовательно, оказывают дурную услугу родному дитяти, которому, скажем прямо, никто в дальнейшем, кроме них, подстигать перинку не станет.

Но вот интересное обстоятельство. По данным психологических наблюдений, именно эта категория подростков даёт наибольшее число срывов и «восстаний» в переходном возрасте. Как раз эти дети, которым, казалось бы, и жаловаться не на что, настолько вольготны они устроились в семейном гнездышке, начинают бунтовать против родительской опеки. В чём дело? Неблагодарность? Но она тоже должна иметь свои объяснения. Что же ещё?

Однако объяснить это не так уж трудно. Как свидетельствуют данные возрастной психологии, центральным новообразованием в подростковом возрасте становится формирующееся «чувство взрослости», стремление если не быть, то во всяком случае считаться взрослым. Возникающая новая жизненная позиция подростка, который всячески стремится утвердить свою независимость, вступает в противоречие с повседневной опекой, и это становится почвой, порождающей конфликты и протест.

Вчера ещё мать санкционировала выбор друзей, выбирала одежду и обувь по своему вкусу, заботливо заматывала шарфом шею и застегивала верхнюю пуговицу пальто – ты подвержен простуде! – проверяла домашние задания, тянула из рук тяжёлый чемодан – отдай папе, не забудь, что у тебя было расширение паховых колец, ты что, грыжу хочешь заработать! И это принималось как должное. А сегодня...

– Чтобы я такое надел?! Вы мне ещё слюнявчик нацепите и пинеточки!

– У нас все ребята ходят без шапок. Ну что ж с того, что восемнадцать градусов. У меня вон какие волосы густые, никакой мороз не возьмет.

– Давайте договоримся раз и навсегда. Мой дневник не календарь – нечего туда каждый день заглядывать. Слышал, слышал, как папа учился. Ваш аршин – не международная мера...

По всем позициям – а фронт. И понять что-либо родителям трудно, и сделать ничего нельзя: всё встречается в штывы – подозрительно, непримиримо. Пожинаются плоды чрезмерной опеки; пружина, сжатая до предела, распрямляется, ломая сложившуюся систему семейных отношений. Бунт против ласковой опеки папы и мамы по своим последствиям мало чем отличается от борьбы против родительского жесткого диктата. Форма протеста может быть разной – от холодной вежливости отстранения и отчуждения до грубого, безжалостного отпора. Это уже зависит от индивидуальных особенностей личности подростка и характера реакции родителей на складывающуюся ситуацию.

Трудно дать рецепт, как вести себя в этой критической ситуации родителям. По всей вероятности, нет такого рецепта, годного для каждой семьи. Одно очевидно – следует решительно пересмотреть систему отношений с сыном или дочерью. Найти пути гибкого перехода от того типа общения, который характеризуется «моралью послушания», к типу отношений, специфических для общения взрослых людей.

Конечно, взрослому человеку крайне трудно преодолеть инерцию сложившихся отношений с детьми. Многие рассуждают так: «Какой же он взрослый, он и сегодня как следует шею и уши вымыть не умеет», «Взрослый, а копейки в жизни не заработал самостоятельно». Так-то оно так, да только взрослость эта меряется с двух сторон разными мерками.

Родители принимают во внимание относительную стабильность жизненной ситуации подростка (он был и остается школьником, материально полностью от них зависимым), наличие у него зримых детских черт – «за моим-то не углядишь, так он пять ложек песка в чай бухнет!» – и делают заключение: «какой же он взрослый – как был несмышлёным, таким и остался, даром что усы пробиваются». Скажем прямо, этот вывод и субъективен, и сомнителен.

Если иметь в виду позицию и мерку подростка, то здесь другая логика: «Мне шестнадцать лет, книг я прочитал, может быть, в два раза больше, чем вы с отцом, вместе взятые. Что же из того, что я не зарабатываю, сами не захотели, чтобы я, закончив девятилетку, работать пошёл – не стал бы сидеть у вас на шее до черт знает какого возраста. Почему ребята во дворе, даже те, кому уже в армию идти пора, меня за маленького не держат, а дома что хо-

тят со мной, то и делают, как с первоклассником. В спортсекцию не пускали – руки-ноги мне там сломают, а у меня теперь разряд по самбо, это что, пустячок? С Ритой у нас всё очень серьезно, а отец со смешком спрашивает: ты, наверное, ещё с девчонками дерёшься?»

Этот или какой-либо другой, подобный внутренний монолог произносит не один мальчишка, которому родители дают понять, что он всё ещё нуждается в опеке. Бесспорно, и он далёк от объективности, и реально у него не так уж много оснований претендовать на права взрослого. И всё-таки равновесие в семье восстановится только в том случае, если стороны найдут формы разумного компромисса, и отец и мать отнесутся с должным уважением к правам взрослеющего члена их семейства.

Но, что важно подчеркнуть, конфликт не возникает в семьях, где, не отказываясь от контроля, без которого немисливо воспитание человека, родители ещё в младшем школьном возрасте сводят опеку до минимума. Если позволительно здесь такое сравнение, они, удерживая главные стратегические высоты семейной педагогики, а именно, контролируя соблюдение норм морали, заботясь, чтобы их ребёнок не рос иждивенцем и трутнем, чтобы он выполнял свой общественный долг, хорошо занимаясь в школе, – представляют ему максимальную самостоятельность в решении постоянно возникающих тактических задач, вмешиваясь лишь тогда, когда не вмешаться невозможно, и отнюдь не по каждому поводу и случаю.

Если опека, которая представляет собой форму определённой активности родителей в системе семейных отношений, приобретает характер принуждения детей к ответственности и самостоятельности, то пусть будет опека! Вреда она не принесёт и конфликта не породит. Говорят, что война – это порождение дипломатии, но другими средствами. Если относительно мирные семейные отношения заходят в тупик, если тактика диктата встречает сопротивление и, что называется, коса находит на камень – в чьих бы руках эта коса ни находилась, старших или младших, – если опека становится обременительной и с нею не желают больше мириться, а опекающие не намерены от неё отказываться, что тогда-то и пускаются в ход эти самые «другие средства».

Конфронтация

Можно было подумать, что в этой большой квартире идёт многолетняя позиционная война... Кто спорит – вся жизнь человека состоит из побед и поражений, но если люди близки между собой, победа одного – это победа всех, поражение переживается всеми на равных. Здесь было по-другому. Воевали между собой.

– Двойку получил? Ну что тебе мать говорила! Это все из-за Купунова, вчера весь вечер с ним потратили на модель, а сегодня – двойка!

– Папа, я двойку за контрольную по математике получил. Мы её на той неделе писали. Помнишь, я после гриппа в школу пошёл. А модель мы только вчера начали делать...

– Всё равно, больше ты к этой модели не притронешься. Делом занимайся! И чтобы ноги Купунова не было в доме!

– Ну что ты к Купунову привязался? Учится хорошо, не ругается, не дерётся... – Мальчик бросает косой взгляд в сторону матери и тихо добавляет: – Пьяным в гости не приходит и водку ни с кем не пьёт. Вот ни капелечки не пьёт...

– Этого ещё не доставало.. – начинает отец, и вдруг до него доходит смысл сказанного. – Ты на что намекаешь?! Ты что себе позволяешь?! Да я с тебя сейчас...

Опустим занавес над этой сценой. И без того ясно, что вражда, война привычны в этой семье. Трудно рассчитывать на то, что здесь между поколениями наступит мир. Раздражение накапливается, растут взаимные обиды, постоянная конфронтация заставляет стороны подмечать и утрировать слабости друг друга. Возникает злорадство по поводу неудач, неприятностей, которые выпадают на долю другого.

– Не приняли? Так тебе и надо. Балерина! Это с твоей-то осанкой, фигурой! Шить лучше научись, – с нескрываемым удовольствием выговаривает мать дочери, вернувшейся после неудачного дебюта в балетной студии.

Можете не сомневаться, что, когда у матери случатся неприятности на работе, она не найдёт сочувствия у дочери – счёт будет оплачен той же монетой.

Всё как на войне. Однако на войне, как правило, сильнейший выигрывает. Здесь в проигрыше обе стороны – победы быть не может. «Холодная война», по мере того как дети взрослеют и начинают отрицать мораль послушания, переходит в «горячую». Силы сторон уравниваются: на грубость – грубостью, на злорадство – злорадством. Педагогический крах оборачивается крахом семьи.

Не хочется делать слишком пессимистические прогнозы – всё-таки иногда каким-то образом само собой улаживается и образуется, но окончательно расплата приходит только через много лет, когда беспомощные родители в свою очередь будут вынуждены подчиниться морали послушания, которую сумеют преподнести им вошедшие в силу и сохранившие бойцовские качества дети.

Мирное сосуществование

Четвёртый тип тактики семьи – мирное сосуществование с позиций невмешательства. Здесь всё выглядит вполне благопристойно. У каждого свои дела, свои проблемы, свои трудности и успехи. Родители работают, дети учатся, у каждого своя сфера, своя отрасль деятельности. Никто не переходит демаркационную линию, могут быть лишь недоразумения. И казалось, такой тип отношений в семье надо только приветствовать.

Бывает, что родители даже испытывают гордость, поддерживая такой нейтралитет.

Мать рассказывает: «Сеня живёт своей жизнью, я – своей, (она в разводе с мужем).

Классная руководительница спрашивает: «Когда Семён вчера пришёл домой?» – Я говорю: «Кажется, в семь». – «Ну, вот видите, а из школы ушёл в два. Где он был, что делал пять часов?» – Я не знаю, что он делал. Я его никогда не расспрашиваю. Нужно будет – сам расскажет. Учится он неплохо, учителя не жалуются. Спрашивает ли он о моих делах, о моей жизни? Пожалуй, нет. А зачем ему это? У меня свое, у него своё».

Обособленность миров ребёнка и взрослых нередко буквально декларируется, под это даже подводится «педагогический» фундамент – пусть растёт самостоятельным, независимым, раскованным, свободным. Как к этому отнестись? Бывают, разумеется, разные семейные обстоятельства. Признаю, что, в частности, у моей собеседницы были уважительные причины – трудно воспитывать сына без отца. Но чаще всего в основании этого типа взаимоотношений – пассивность воспитателя, который уклоняется от активного вмешательства, предпочитая комфортное и не требующее душевных затрат сосуществование с подростком.

Каков же результат? Став на путь формирования индивидуалиста, родители пожинают горькие плоды индивидуализма. Семья как центр притяжения, как эмоциональный магнит, как семейный очаг для ребёнка не существует. Жизнь родных, их радости и невзгоды для него за семью печатями. И рано или поздно наступит критический момент – беда, болезнь, трудности, – когда от него потребуют и участия, и включения в общесемейные проблемы, и

добрых чувств, и убедятся в его полной неспособности ко всему этому. Они будут горько сетовать по поводу несостоятельности юноши как сына, девушки как дочери, не отдавая себе отчета в том, что это – несостоятельность сложившейся системы семейных отношений.

Сотрудничество

Но ведь должен существовать и оптимальный вид тактики семейного воспитания. Да, это сотрудничество. Именно в ситуации сотрудничества преодолевается индивидуализм ребёнка, формируются черты коллективиста. А это уже предполагает, что семья обретает особое качество, становится группой особого типа, превращается в коллектив.

Сотрудничество должно стать предметом специального анализа социальной психологии в контексте проблемы коллектива.

Именно такой способ организации связей старшего и младшего поколений, как сотрудничество, представляется оптимальным, а уж никак не опека, невмешательство и сосуществование.

Но можно ли говорить о сотрудничестве мужчины и женщины, к примеру, в возрасте 33-36 лет, и двенадцатилетней девочки, их дочери. Казалось бы, сотрудничество явно не на равных. Но думается, что здесь нет противоречия. Мне не хотелось бы ограничиваться пересказом хорошо известных по нашей популярной педагогической литературе примеров успешного участия детей в домашнем труде (посильная уборка, закупка продуктов, мытьё посуды, уход за младшими братьями и сёстрами и т.п.). Это, конечно, существенная сторона совместной деятельности, и упускать её нельзя.

Но есть ещё один аспект рассмотрения проблемы сотрудничества поколений, собственно психологический.

Нельзя забывать, что общество предъявляет требования к каждому его члену, и к взрослому, и к ребёнку. Этот набор требований зафиксирован в учебных производственных нормах, правилах поведения, нравственных критериях и т.д. Социальная оценка человека – независимо от его возраста – зависит от того, насколько он соответствует этим критериям, правилам и нормам, выполняет свои обязательства. И здесь открывается ещё один аспект сотрудничества детей и родителей – «соучастование».

Великий русский мыслитель Александр Николаевич Радищев, говоря о достоинствах человеческих, подчеркивал: «...человек паче всех есть существо соучастующее». «Соучастование» – эмоциональное действенное включение в дела другого человека, активная помощь, сочувствие, сопереживание – цементирует взаимосвязь поколений в семье, не оставляет места равнодушию, черствости, эгоизму. Отзывчивость при бедах и затруднениях, стремление немедленно откликнуться есть форма проявления «соучастования» и свидетельство готовности к сотрудничеству и поддержке.

Гармония семейных отношений предполагает взаимность в проявлении соучастования. Конечно, родители, как правило, предлагая ребёнку сотрудничество и поддержку в делах (помогая ему учиться, обучая трудовым и спортивным навыкам, разделяя с ним ответственность в затруднительных обстоятельствах и т.п.), обнаруживают «соучастование». Однако всегда ли оно присуще адресату родительских эмоций? К сожалению, далеко не всегда ребёнок отвечает взаимностью.

Жизнь взрослого человека изобилует сложными, иногда просто трудными, иногда драматическими ситуациями. Если мы хотим, чтобы наш сын или наша дочь стали ближе, роднее (заметьте, речь идет о том, чтобы именно они ближе придвинулись к нам, так как роди-

телей побуждать к сближению излишне), то первое правило – не ограждать их от горестей и радостей взрослого человека, а делать не только их свидетелями, но и прямыми их участниками. Причём идти на это как можно раньше, прямо и смело, давая доступные (с учётом возраста) разъяснения.

Уместно вспомнить книгу К. Чуковского «От двух до пяти». Малыш восторженно выкрикивает только что рождённые им стихотворные строки: «Бим, бом, тили, тили, нашу маму сократили!» Это, конечно, очень смешно, но за этой очаровательной наивностью ребёнка проступает жизненный драматизм ситуации, мимо которой мама, очевидно, провела сына, тщательно закрыв ему рукой глаза, оставила его равнодушным и бесчувственным.

– Вы знаете, муж ложится на операцию. Очень серьёзную. А сердце у него... В общем, что вы мне советуете? Сказать Лёше или нет? Муж говорит – не надо. Скажи, мол, в командировку уехал, не надо ему волноваться, мал ещё. Как быть?

Женщина с тревогой, вопросительно смотрит на классную руководительницу.

Сказать, обязательно сказать! Найти необходимые слова, не запугивать, не сгущать, конечно, краски, обязательно поделиться своими надеждами на благополучный исход, но ни в коем случае не оставлять в неведении. Будет волноваться, может быть, плакать? Ну что же, он – член семьи, со своими правами, обязанностями. Все должно быть вместе: и радость, и горе, и слёзы, и смех. Совместные переживания, надежды, мечты – всё это сплачивает семью, укрепляет её основы.

– Ваш муж пойдёт на поправку, будем на это надеяться, – говорит учительница. – Пусть это будет для Алёши самым большим счастьем, пусть он мечтает о том дне, когда отец, опираясь на его плечо, выйдет из больницы. Как радостно будет для него помогать вам в уходе за выздоравливающим. Чувствовать себя нужным, полезным, опорой для мамы и отца. Нет, нет! Он должен знать. Не прячьте его от жизни!

Так завязывается соучастование, без которого немисливо сотрудничество поколений. Семья, три-четыре человека, соединённых родственными связями, могут стать, а могут не стать коллективом в зависимости от того, какой характер приобретут их отношения, будет ли это конфронтация, сосуществование или соучастование и сотрудничество.

Сотрудничество предполагает сотрудников. Вот только вопрос: а сколько их надо для успешности сотрудничества? Кто-нибудь обязательно поторопится ответить: трое (видимо, будут иметься в виду отец, мать, ребёнок). Кто-то скажет: пятеро – значит, бабушка и дедушка не остались забытыми. Ещё бы! В семейном ансамбле они – сотрудники не из последних. И редко, редко кто-нибудь увеличит эти число за счёт расширения младшего возрастного контингента. Во всяком случае, трудно рассчитывать, что мы перевалим за пределы магического числа «семь». Я даже как-то столкнулся с попыткой обосновать стремление не увеличивать размеры семьи с помощью ссылки на новейшие данные социальной психологии (правда, мой собеседник был научный работник).

Он говорил мне примерно так: «Ну, о каком сотрудничестве может идти речь, когда семья разрастается до двузначного числа. Сотрудничество означает сочувствие, жалость друг к другу, особую чуткость и, главное, действенную помощь. Без этого сотрудничество немисливо. А вы помните эксперименты Латейна (известный западный психолог)? Он доказал экспериментально, что чем больше свидетелей у чужого несчастья, тем меньше у жертвы шансов на получение помощи. Каждый, по-видимому, полагает, что другой должен позаботиться о пострадавшем».

В большой семье этот подход вероятен, более того, он неизбежен. Детей так много, что «ценность» их неминуемо падает, общесемейный фонд эмпатии (напомним еще раз, что этим термином обозначают в психологии жалость, симпатия, сопереживание. – А.Л.) делится поровну на всех, и делитель так велик, что частное оказывается ничтожно мало. Нет, и любовь, и взаимопонимание, и сотрудничество – это функция небольшой группы тесно связанных между собой людей. Чем меньше семья, тем больше у неё шансов сплотиться на эмоциональной основе и успешно сотрудничать в решении общесемейных проблем».

Пришлось мне поспорить. Да, эксперименты Б.Латейна хорошо известны, и брать их чистоту под сомнение я считаю невозможным. Под сомнение я беру возможность делать далеко идущие выводы из этих экспериментов. Отечественные психологи имели уже не раз основания утверждать, что результаты экспериментов, проводимых на случайных группах людей, не должны распространяться на коллективы.